

0-734477

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

МАРКАСОВА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА

**ТЕОРИЯ ФИГУРЫ РЕЧИ
В РУССКИХ РИТОРИКАХ XVII – НАЧАЛА XVIII в.**

Специальность 10.02.01 - русский язык
А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2002

Диссертация выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный консультант -

доктор филологических наук, профессор Ольга Александровна Черепанова

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор Рогова Кира Анатольевна

доктор филологических наук, профессор Береговская Эда Моисеевна

доктор филологических наук, профессор Творогов Олег Викторович

Ведущая организация - Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН

Защита состоится « 16 » сентября 2002 года в 15 часов на
заседании диссертационного совета Д 212.232.18 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора филологических наук при Санкт-Петербургском государственном
университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11,

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени А.М.Горького
СПбГУ.

Автореферат разослан « 15 » сентября 2002 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета

Кандидат филологических наук, доцент

С.А.Аверина

Общая характеристика работы

В России феномен "риторичности" литературы и культуры XVII – XVIII вв. оказался в центре внимания гуманитариев разных **специальностей лишь** в конце XX в. Новое по сравнению с предшествующим периодом видение **особенностей** структуры **текста**, как и усиление внимания к процессу его **создания**, привело к возникновению своеобразной моды на использование риторической терминологии. Этот процесс, в значительной степени **стихийный**, происходил параллельно с отказом от распространенного в **1970-е – начале 80-х гг** мнения о **риториках** как старомодном и бессодержательном типе текста. Вслед за работами **1950-х – 80-х гг.** (**Д.С.Бабкин, В.П.Зубов, В.П.Вомперский**), положившими начало изучению этих памятников в **связи** с историей русского литературного **языка**, к исследованию их специфики и **культурных** функций обратился целый ряд авторов. Работы **Л.С.Ковтун, Т.В.Буланиной, Н.В.Понырко, Н.М.Караченцевой, Д.А.Яламаса, исследования** зарубежных ученых (**P.Levyn, E.Sarnowska-Timeriusz, R.Lachmann** и др.) создали основательную текстологическую базу для углубленного исследования теоретической **проблематики**, **способствовали** иному фокусированию взгляда на тексты, традиционно **изучаемые** в рамках истории языка петровской эпохи.

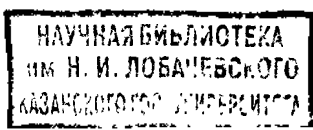
За последнее двадцатилетие внимание ученых сместилось от тропов к фигурам, **причем потребность** в **освоении** этой терминологии возросла настолько, что в целом **ряде** словарей и учебных пособий прослеживаются попытки восстановить утраченный русистикой в течение **XIX – XX** вв. фонд риторических фигур. Диссертация посвящена описаниям фигур речи в русских риториках (раздел **элоквиенция**), а также теоретическим **представлениям** **а** этой области, **зафиксированным** отечественной **риторической и грамматической** традицией **XVII – начала XVIII** в.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью восстановить начальный терминологический фонд раздела **элоквиенция**. На наш взгляд, это единственный способ уйти от диспропорция между масштабностью полученных учеными **выводов** и состоянием изученности **материала**, имеющего прямое **отношение** именно к русской **риторической** традиции. Без исследования представлений о фигурах речи **невозможно** продолжать **изучение** целого ряда **новых для исторической грамматики и исторической стилистики** вопросов: о роли **риторик** в процессе **кодификации**

литературного языка, о соотношении грамматического и риторического в текстах, о языковой реализации разных риторических стратегий и т.д. Работа открывает возможности для углубления интеграционных процессов в гуманитарных науках: в современном гуманитарном знании существует установка на **междисциплинарность**, поэтому возрастает необходимость выявить точки соприкосновения разных терминологических традиций.

Объектом **изучения** являются *описания фигур речи* в русских **риториках XVII** - начала **XVIII** в. и современных им грамматиках. В качестве фона используются данные более ранних зарубежных текстов, оказавших наиболее существенное влияние на русских авторов (античные риторики и грамматики, западноевропейские памятники XVI - **XVII** вв.), а также сведения из истории бытования терминов, **обозначающих** фигуры речи, в России **XVIII** - **XX** вв. Предмет исследования - зафиксированные в этих описаниях *теоретические представления*, комплекс знаний русских книжников о риторических терминах раздела элоквиенция и тех **понятиях, которые** обозначены этими терминами. Цель работы - **реконструировать** начальный фонд **сведений** о фигурах речи; выявить исторические этапы и **закономерности процесса накопления**, а **затем утраты** риторических терминов, различающихся степенью востребованности на разных этапах существования филологической науки (с учетом общекультурного контекста и лингвистических перспектив их бытования). Подобная реконструкция предполагает воссоздание картины эстетических **предпочтений книжников**, бывших **современниками** или **сторонниками определенной** риторической **концепции**.

Соответственно, предпринимается комплексное решение **следующих** задач: 1) общая характеристика системы тривиальных знаний в России **XVII** - начала **XVIII** в. и ее **последующей** эволюции, 2) выявление дифференцирующих **признаков** понятия "фигура речи" в разных типах основных источников (грамматиках и риториках), 3) анализ **различий в количественном и качественном составе терминов, обозначающих фигуры** речи в основных источниках, 4) **описание** малоизвестных в русской **терминологической** традиции терминов, **обозначающих** поэтические вольности и наиболее ярко демонстрирующих грамматическую природу представлений о фигуре, 5) выявление и диахронический анализ терминов, претендующих на статус универсальных (возможных в любом жанре и в любой исторический период), 6) изучение принципов **фигурации** в литературных образцах в соотнесении с требованиями **элоквиенции**, 7) описание феноменов "долготы", "краткости", "прозрачности" текстов с точки зрения их фигурации, 8) рассмотрение ряда современных **литературно-художественных** текстов как

образцов неосознанной реализации тенденций, зафиксированных риторической традицией.

Новизна исследования заключается в **том**, что мы впервые предлагаем проследить историю терминов, обозначающих фигуры **речи**, параллельно с историей явления на фоне **триединства**, складывающегося из собственно литературных образцов, образовательной традиции и практики научного описания того и другого. В связи с этим впервые подвергаются комплексной аналитической обработке сведения, полученные из хронологически и типологически различных источников, прежде рассматривавшихся изолированно или не привлекавших внимание лингвистов. Нами предпринимается первое в русистике исследование фигуры речи (термина и феномена) в диахроническом аспекте. Анализ предмета исследования на таких основаниях предполагает и новизну методологической установки. Наиболее продуктивным для разработки темы мы считаем метод регрессивного анализа. Характеризуя его, французский историк Марк Блок писал о необходимости преодолеть влияние "идола истоков", или "мании происхождения", гипнотически затемняющей для представителей **гуманитарных** наук проблему нетождественности **истоков** и причин (нередко неоправданно **контаминированных**). "...Было бы грубой ошибкой полагать, что **порядок**, принятый историками в их **исследованиях**, непременно должен соответствовать порядку событий. При условии, что история будет затем восстановлена в реальном своем **движении**, историкам иногда выгодней начать ее читать <...> **"наоборот"**!"¹. В рамках этой исследовательской **парадигмы** сохраняют эффективность традиционные методы: **описательный, сравнительно-исторический, статистический**.

Общий подход к проблеме обусловил разделение источников на две группы: 1) источники, являющиеся непосредственным объектом анализа (**основные**), 2) источники, репрезентирующие фоновое знание для авторов источников первого типа либо непосредственно продолжающие риторическую традицию до конца XVIII в. и далее (**дополнительные**). Обе группы включают в **себя тексты**, типологически **относящиеся к риторикам** и грамматикам (также традиционно включавшим описание фигур речи).

В качестве основных послужили следующие источники: **Донатус сиречь** грамматика и азбука переведенная Димитрием **Толмачем** с латинского языка 1522-го, а списана 1563-го года; **Адельфотес** (1591); Грамматика **Лаврентия Зизания** (1596); Грамматики **славянския правилное** синтагма **Мелетия Смотрицкого** (1619); Риторика **Макария** (1620);

¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Изд. 2. М., 1986. С. 19 20., С.28.

Риторика Михаила Усачева (1699); Палата **царского благоязычия Иоанникия** Лихуда, Риторика **Софрония** Лихуда; Риторическая рука Стефана Яворского (1705); Книга **риторского всекрасного златословия** Козьмы **Афоноиверского** (1710); Краткое **изъявление** слова **яко** же **церковного**, **так**о и **гражданского** Георгия **Данилиловского**; **Технология** Федора Поликарпова; **Риторика-свод** и др.

Дополнительные источники подразделяются **на** три группы. 1) Зарубежные риторик и грамматики, предшествующие или **современные** русским текстам рассматриваемого периода и оказавшие на них **влияние**, преимущественно относящиеся к классической и поздней античности, раннему средневековью, раннему новому времени (сочинения Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана, Доната, Диомеда, Харисия, Присциана, Альвара, Ф. Санчеса, Ф. Меланхтона и др.). 2) Русские и **переводные** риторик XVIII в., включая сочинения **М.В. Ломоносова**, **В.К. Тредиаковского**, **А.П. Сумарокова**, М. Сперанского, **Х. Блера** и др., а **также** учебные **пособия**, претендующие на трансляцию риторической традиции в XIX в. При этом по отношению к фоновым **источникам** мы считаем **методологически** важным привлечение текстов, не сопоставимых **друг** с **другом** по своей **культурной** значимости 3) Литературные **тексты**, **анализируемые** с **точки** зрения реализации в них теории **фигур** жития, похвальные **слова**, **вириши**, а также, с целью **диахронного** анализа позднейшей трансформации риторической традиции, современные поэтические тексты

Теоретическая и практическая значимость работы **заключается** в апробации новых подходов и методик, расширяющих представление о специфике **риторик** как источника **историко-лингвистических** исследований и о возможностях их **комплексного анализа**. Исследование обновляет фонд методов и приемов анализа текстов в диахроническом аспекте.

Достигнутые результаты могут быть использованы в специальных научных исследованиях, **вузовских лекционных курсах истории русского литературного языка**, **исторической грамматики**, **риторики**, **для разработки спецкурсов И спецсеминаров по соответствующим дисциплинам**.

Апробация работы. Основные результаты исследования получили отражение в **публикациях**, а **также** были изложены в докладах на заседаниях сектора Древнерусской литературы **ИРЛИ** (Пушкинского Дома) в 1996, 1997, 1999 гг., на Межвузовских **научно-методических конференциях** Филологического факультета **СПбГУ** (1997, 1998, 1999, 2002), международных и межвузовских **конференциях** **"Programiste kultur narodowych"** (Белосток (Польша), 1995, 2000), **"Проблемы поэтики языка и литературы"**, **посвящ**

памяти **Я.И.Гина** (Петрозаводск, 1996), "Риторика в свете современной лингвистики" (Смоленск, 1999 и 2000 гг.), "**Культура**: соблазны понимания" (Петрозаводск, 1999), "История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже **тысячелетий**" (Петрозаводск, 2000), "**Образы** России в **научном**, художественном и **политическом** дискурсах" (Петрозаводск, 2000), "Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории" (ИВИ РАН, Москва, 2000), Чтениях памяти **В.И.Рутенбурга** (СПбФИРИ РАН, 1999), Первых **Лихудовских** чтениях (Новгород, 1998), в лекции, прочитанной для слушателей летней школы медиевистов в **ИВИ РАН (2001)** и др.

Структура диссертации композиционно подчинена сформулированным задачам. Работа состоит из введения; трех глав, подразделенных на параграфы и содержащих промежуточные выводы; заключения, **подводящего** общий итог **исследования**; списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснованы актуальность и **научная** новизна исследуемой темы, определены предмет и объект **изучения**, его методологические основы, цель и задачи, очерчен круг источников.

Первая **глава** ("**Фигуры** речи: из истории **обучения** и **изучения**") включает 4 раздела: 1. Риторика в системе тривиума и начальный этап ее освоения в российской образовательной традиции; 2. Теория фигуры речи в контексте взаимосвязи грамматики и риторики как учебных курсов (**XVIII - XIX** вв.); 3. **Статья** А.Г. Горнфельда "**Фигура** в поэтике и риторике" и ее **значение** для исследования теории фигуры; 4. Образовательная традиция и проблемы изучения теории фигуры в современной отечественной русистике.

Глава посвящена историческому контексту бытования терминов, обозначающих фигуры речи; специфике репетиции тривиума "в России XVII начала XVIII в. и **обусловленном** им месте **теории** фигуры речи в **риториках** в грамматиках **этого периода**. Дальнейший обзор концепций и взглядов, связанных с терминами **эпоквиции**, выстроен в соответствии с принципом историзма и демонстрирует наличие **причинно-следственных** связей не только собственно литературного характера (этот аспект не акцентирован, поскольку существует достаточно много исследований, **освещающих** именно данную сторону вопроса), но и образовательного и идеологического. История научного осмысления **риторической** терминологии (включая историографический **обзор**

современных исследований) представлена как продукт общей ситуации в системе образования.

1.1. В России переворот в отношении к Слову и Тексту, повлекший за собой потребность в заимствовании **тривиума**, как известно, был подготовлен грамматической рефлексией XIV - XVI вв.

Риторика имела самостоятельный **дисциплинарный** статус в **составе тривиума, первой** ступени "семи свободных искусств" (*artes liberales*), противопоставленной **квадривиуму** как "словесные искусства" (*artes sermonicales*) "реальным", или "материальным искусствам" (*artes reales (materiales)*). Система образования, обоснованная на рубеже античности и средневековья сочинениями **Марциана Капеллы** и **Боеция**, получила развитие в западных **средневековых университетах**, изначально **ориентированных** на неутилитарное знание и отводивших тривиуму **место на низшем факультете**. Грамматика, риторика и диалектика в Европе не всегда считались **равноправными** учебными курсами (*Abelson P., Paetow I. J.*).

6 русской градации **образования** идея целесообразности изучения свободных искусств **актуализировалась** в **контексте** истории книжной sprawy и **связанной** с нею переводческой деятельности, **Дискуссионность** вопроса о конвенциональном и **неконвенциональном** отношении к тексту побуждала представителей разных позиций обратиться к тривиуму. Поскольку теологические споры книжников имели непосредственное отношение к книжной справе и **переводам**, актуализировалась потребность в грамматических знаниях. Безусловно, сыграла свою роль и общая "дискуссионная" атмосфера этого исторического **периода**, требовавшая от участников "**прений**" риторического **мастерства**. **Систематическое обучение** классическим языкам с последующими **занятиями** поэтикой, риторикой, философскими дисциплинами было введено в России благодаря деятельности братьев **Лихудов**, т.е. не раньше 1685 г.

При этом русская интеллектуальная **элита** не осознавала **себя** элитой в западном **смысле** и не стремилась к **культурной** та **социально-корпоративной автономии**, характерной для западноевропейских **университетов** (*Вах К.А., Уваров П.Ю.*). Уже это изначальное различие не могло не сказаться на судьбе триединства **грамматики**, риторики и диалектики в **России**, предопределенной в дальнейшем общей утилитарной направленностью системы **народного** просвещения эпохи Петра I.

На рубеже столетий возникает целый ряд **риторик** — **Андрея Белобочко**го (1690-е гг.), **Софрония Лихуда** в переводе Козьмы **Афоноверского** 1698 г., **Иоанникия Лихуда**, **Михаила Усачева** 1699 г., "Риторическая рука" **Стефана Яворского** 1705 г., **Феофана Прокоповича** 1706 г., риторика **Георгия Данииловского** (20-е гг. XVIII в),

старообрядческая **Риторика-свод (30-е–40-е гг. XVIII в.)**. Однако даже беглого взгляда на эти тексты достаточно, чтобы установить их несоотнесенность с русскими грамматиками. В Европе до того, как возникла потребность создавать грамматики и риторики на родном языке, существовал богатый опыт преподавания обоих курсов на латыни. В России же заимствование тривиума сопровождалось синхронным приспособлением его к церковнославянской / русской **языковой** среде. Это **обстоятельство** заставляет нас несколько абстрагироваться в дальнейшем от истории преподавания грамматики классических языков и сосредоточить внимание на преподавании русского **языка**.

В **XVI–XVII** вв. в **европейских** странах существовала традиция дублировать примеры в курсах грамматики и риторики. При этом в грамматике "ошибки" рассматривались как образцы отступления от грамматической **нормы**, тогда как в риторике они считались **возможной и допустимой реализацией** особой воли **автора**. В России такой преемственности курсов изначально **не** было, как не было и единого устойчивого корпуса цитат, служащих для демонстрации разных фигур речи.

Грамматика Мелетия Смотрицкого (1619) осталась **уникальным** опытом **соединения сведений** из грамматики, поэтики и **риторики**, заимствованным в европейской гуманистической традиции. **Минимальное** освещение вопросов фигурации зафиксировано в Риторике Георгия **Данииловского**, где нет ни **примеров**, ни определений фигур речи. **Вероятно**, такое положение вещей было обусловлено стремлением автора приспособить **свой** учебник не к преподаванию **риторики**, а к преподаванию **гомилетики**.

В **гомилетике**, учении о церковной проповеди, существовали две традиции отношения к **словесному** выражению и функциям самой проповеди: **профетическое** (основа проповеди - вдохновение, благодать), связываемое с именем Григория **Двоеслова**, и **риторическое** (основа проповеди - знание риторики), иногда именуемое **августиновским** (по имени Аврелия Августина) (см. **подробнее: Певницкий В.Ф., Чепик М., Левшун Л.В.**). **Областью дискуссии** в истории гомилетики также была **элоквиенция**, а главным вопросом **вопрос** о целесообразности изучения **фигур** речи. Основой для развития последнего направления в Европе были труды гуманистов, в первую очередь Филиппа **Меланхтона**, Иоганна **Рейхлина** и Эразма Роттердамского. Естественно, в европейских дискуссиях о **проповеди** оспаривалась целесообразность **обучения элоквиенции**. В начале **XVIII** в. вопрос о проповеднической школе теряет былую остроту в Европе. Однако в России идея противопоставленности духовности и образованности оказывает влияние на отношение к **элоквиенции**. Это одна из многочисленных причин **сокращения информации** о фигурах речи в русских **риториках**. Линия, сопровождающаяся углублением дифференциации в

преподавании риторики в **светских** и духовных учебных заведениях, поддерживается дальнейшей практикой составления **гомилетик** в **XVIII** в.

Безусловно, риторическая терминология, обозначающая фигуры речи, есть в русских грамматиках, но обратная связь (от риторики к грамматике) в известных нам **риториках** не фиксируется, если не принимать во внимание общие рассуждения о **том**, что "добре и красно **глаголати**" значит говорить, не противореча грамматической норме.

Это обусловлено не столько последовательностью преподавания риторики и диалектики в рамках **тривиума**, сколько изначально свойственным русской традиции сближением риторики и диалектики. Даже в риторике, приписываемой **Макарию** (а эта риторика теснее прочих связана с грамматикой), "**вводится** важное различие диалектики и риторики (а не грамматики и риторики, как этого можно было бы **ожидать**)"².

1.2. Центральное место в истории риторики **XVIII** в. занимает Риторика **М.В.Ломоносова** "**Краткое** руководство к красноречию" (1748) (первый вариант **риторики** **М.В.Ломоносова**, "**Краткое** руководство к риторике", оставалось в виде рукописи вплоть до 1795 г.). Однако, несмотря на авторитетность этого текста в последующий период, степень его **самостоятельности** по отношению к западной **традиции** оценить пока трудно. Известно, что автор использовал риторики **Н.Коссена**, **Ф.-А. Поменя**, **И.-К.Готтшеда**. Вероятно, нужно говорить отдельно о научной значимости этого текста и о его роли в истории образования.

Исследователи отмечают **популярность** в **XVIII** в. руководств **И.А.Эрнести** и **И.Ф.Бурга**, распространенность концепций которых в пересказе **Н.Н.Поповского**, **А.А.Барсова**, **Г.В.Козицкого** создавала фоновые знания о **риторике**, без овладения которыми невозможно оценить ни учебные, ни научные риторики.

Особый интерес представляет "**Слово о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве**" **В.К.Тредиаковского** (1745), где автор рассуждает о "**наипразднейших элоквенциях**" у разных народов к **сомнительности** обобщающих характеристик элоквенции применительно к национальным **традициям** или **историческим** периодам.

Несмотря на расцвет ораторской прозы в **XVIII** в., в целом историю свободных искусств в России составляют **покупения** на преемственность курсов грамматики, риторики и логики, постоянная смена концепции их преподавания в зависимости от общественной ситуации и степени усиления или ослабления тенденций к **утилитаризации** знаний. Аналогия с историей приоритетов в системе тривиума в Европе, где смена

² **Лахманн Р** Демонтаж красноречия. СПб., 2001 С.60

доминант в рамках тривиума определялась корпорацией ученых, носит в этом случае внешний характер. Уже к **началу XVIII** в. частью курса риторики стала **логика**, и тенденция к объединению курсов была продолжена во второй половине **XVIII** - начале **XIX** в. в **популярных** пособиях "Логика и риторика для дворян" **Ф.Мочульского** (М., 1789), "Логика и **риторика**" А.С.Никольского (СПб., 1790) и др.

Процесс смешения курсов риторики и логики проходил на **фонсе** весьма специфического отношения к преподаванию грамматики. В 1786 г. включение русского языка в учебные планы гимназий было зафиксировано в первом российском Уставе школы, но уже в 1809 г. его заменил курс **всеобщей** грамматики. Неустойчивость приоритетов в практике преподавания грамматики проявилась в многочисленных переименованиях этого курса: "грамматика", "**русская** грамматика", "**общая** или философская грамматика", "система русского языка", "**российская** словесность", "отечественный язык", "**родной** язык", "русский язык".

Во **второй** половине **XVIII** - **начале XIX** в. было издано множество учебных **риторик**, в **том** числе переводных (Амвросий (Серебренников), **Х.Блэр**, **Г.Гальяр**, **Галлиен** де **Самморанк**, **Мейнерс** и др.), однако их разнообразие не гарантировало **качества** учебных текстов и проводившихся на их основе занятий. К 1840-м **гг.** меняется восприятие статуса этой дисциплины в системе образования: в условиях постоянных изменений курса русского языка (грамматики) риторика теряет языковой фундамент, воспринимается как предмет, в большей мере связанный с теорией **литературы**, **логикой** и философией, чем с языкознанием. Считается, что демократическая критика создает **риторике** репутацию **науки** "**вздорной**, пустой, вредной" (В.Г.Белинский), однако дискредитация риторики была во многом обусловлена самой **историей** ее бытования в учебных заведениях.

Судя по содержанию учебников второй половины **XIX** в., современники не **оценили** **своевременно** **высказанное** **мнение**: "**Действительно**, только со **стороны** **грамматики**, теории и истории языка и можно ожидать воскрешения падшей **риторики**" (**Ф.И.Буслаев**). Классификация фигур речи уже в первой половине **XIX** в. является факультативным элементом курсов риторики и русской словесности.

Авторы пособий предпочитают ограничиваться "**наиболее** употребительными" (по их мнению) фигурами - называют *прозопопею*, *апострофу*, *антитезу*, *сравнение*, *повторение* (без **детализации** видов повтора), *эллипсис*, *вопросение*, **плеоназм**. (см. учебные курсы А.Филонова, М.Краснова, Д.Рисова, И.Стефановского) Заметим, что описания фигур речи встречаются в учебниках латинского и греческого языков, которые

служат фоном для восприятия теории фигуры (или ее отсутствия) в учебниках по теории словесности. Прочность этой теоретической базы была поколеблена нестабильностью учебных программ, особенно в условиях реформ второй половины XIX в.

1.3. В пересмотре места и значения теории фигуры речи особая роль принадлежит появившейся в начале XX в. работе **А.Г.Горнфельда** (1867 - 1941), которая, по существу, заложила основы для современного понимания **проблемы**³. Статья появилась в то **время**, когда изучение раздела элоквенция в **риториках** было либо упрощено, либо сведено к описанию разновидностей тропов.

В работе **конспективно** излагаются концепции **Г.Спенсера** и **А.Бэна**, однако нам важно, что автор подводит итог многолетним описаниям теории фигуры речи и обращает внимание читателей на проблемный характер этой теории, стремясь представить фигуры как естественное образование в языке, не являющееся результатом трансформации грамматически правильных исходных образцов. Круг проблем, обозначенных **А.Горнфельдом**, до сих пор считается актуальным: 1) проблема **разграничения** тропа и фигуры; 2) проблема искусственности и естественности фигуры и вопрос об **"идеальной"** модели, **служашей** мерилom "искусственности"; 3) проблема воздействия определенной фигуры (или типа фигур) на слушателя или читателя; 4) логические и психологические основания теории фигуры.

Сопоставляя **разные** традиции **описаний** и **классификаций** фигуры речи (немецкую, французскую, английскую), Горнфельд **актуализирует** проблему соотношения фигурации текстов, написанных на разных языках. Из этого постулата следует, что грамматический строй диктует выбор фигурации.

Смещение проблемы "естественности" фигуры из сферы грамматической (как это было в средние века) в сферу психологического изучения языка было, видимо, обусловлено не только достижениями психологической школы в языкознании, но и **разрушением единства грамматики и риторики** в том **виде**, как оно **существовало** в рамках тривиума. Можно предположить, **что** и выбор риторических **фигур**, включаемых в учебные **курсы**, обусловлен возможностью комментировать их как образцы отражения народной психологии в слове.

Элоквенция, **непосредственно связанная** с курсом грамматики, могла формировать у образованной публики представления об **оригинальном, индивидуальном**, массовом и общеизвестном на языковом уровне. Утрата этой возможности объективно вела к

³ Горнфельд А.Г. Фигура в поэтике и риторике // Вопросы теории и психологии творчества / Под ред. В.А.Лезина. Изд. 2. Харьков, 1911. Т.1. С. 335-340.

минимализации представлений массовой аудитории о том, как нужно читать и понимать текст

1.4. **Обостренный** интерес к частным проблемам риторических учений позволил зарубежным исследователям создать такую базу данных по истории риторики, что проблема непонимания между терминологическими традициями прошлого и **современности** была решена и в **Англии**, и в Германии, и во Франции. Практически полные описания риторических терминов с учетом степени их **включенности** в риторику **средневековья**, Возрождения и нового времени, а также зависимости от античных образцов можно найти в известных словарях **Р.Ланхама** и **Х.Лаусберга**.

Становится все более очевидной несоотнесенность использования риторических терминов в лингвистических работах с традицией их использования у филологов-классиков, специалистов по грамматике классических языков, по поэтике и стиховедению (напр., в работах **С.С.Аверинцева**, **И.М. Тронского**, **М.Л Гаспарова**, **П.А Гринцера** и др)

Многие **термины** риторики используются без учета тех риторических **концепций**, в рамках которых **они существовали**, поэтому становится возможным **рядоположение** в одном контексте **разноплановых терминов** (Например, **“украшенный”** текст часто описывают как текст, в котором присутствуют **“амплификация** и синтаксический параллелизм”. Между **тем**, амплификацией изначально именовали **прием** аргументации, это термин с очень сложной судьбой, а синтаксический параллелизм — более поздний термин, за которым может скрываться **симплога**, **гомеотелевтон**, **анафора**, **эпифора**, **гомеоптотон** и пр.)

Опыты создания **общей** теории фигуры **по-прежнему** зависят от литературной практики, **состояния** жанровой системы и представлений ее создателей об эстетической ценности **текстов**, служащих источниками примеров **фигурации**, а также исследовательской **конъюнктуры** в других областях гуманитарного знания. С **этой** точки **зрения** полезно наблюдать за **колебаниями** интересов исследователей в области анализа **фигурации**: всплеск интереса к дискретным **фигурам**, обычно сопровождающийся интересом к **фигурам** убавления (по традиционной классификации), сменяется возвратом к недискретным фигурам повтора и прибавления. Наблюдение за динамикой изучения риторических фигур дает возможность установить интересную **закономерность**. каждый период в истории лингвистики имеет в этой области свои приоритеты. При этом в зону внимания исследователей попадают не все фигуры **речи**, поскольку здесь также существуют **“модные”** и **“немодные”** темы. **Колебания** интереса к определенным **разделам**

теории фигурации были характерны и для более ранних этапов развития представлений о языке, в **частности**, для XVI - XVII вв.

Отсутствие в отечественной традиции исследований риторической терминологии, сопоставимых по **масштабности** и **концептуальности** с зарубежными работами, следует признать исторически обусловленным фактом. Такое своеобразие русской научной мысли обусловлено не только спецификой языковой ситуации в период освоения **тривиума**, но и неким эффектом "сплющивания" разных риторических традиций, заимствованных в чрезвычайно краткие сроки (XVII - начало XVIII вв.)

Вторая глава ("**Концепция фигуры речи в русских риториках**") содержит 8 разделов: 1. Теория поэтических вольностей в **латиноязычных метаязыковых** текстах; 2. Фигуры "**начального** чина видов" (метаплазмы); 3. Гипотетическая сфера функционирования грамматических фигур; 4. Концепция "острой мысли" и представления о фигурации; 5. Теория фигуры и практика редактирования поэтических текстов; 6. "**Фигуры грамматические**" в работах современных **исследователей стилистики**. 7. **Фигуры риторические** в Грамматике **Мислестия Смотрицкого** и **риториках**; 8. **Состав** риторических фигур как **показатель литературных** вкусов эпохи

В этом разделе мы предпринимаем анализ фигур речи не на основе литературных текстов, а на основе их дефиниций и "**парадигм**" (образцов), поскольку это, **видимо**, единственный способ **достижения** взглядов русских книжников на природу фигуры речи, не **отягощенный** современным **опытом**.

Существует **общий** тезис о категориальной **подчиненности** тропа фигуре, **понимаемой в рамках лингвистики** текста как средство "**увеличения** **"гибкости"** языка, определяемой количеством способов передачи данного содержания, и как средство выбора наиболее информативной, наиболее творческой формы реализации данного **смысла**".⁴ В таком определении фигуры речи имплицитно присутствуют элементы **определений, известных еще в античности**.

Фигура изначально **определялась** через **три** аксиомы (фигура соотносима с нормой, фигура есть отклонение от нормы, фигура необходима для "**успокоения**" слушателя). Фигура - понятие динамическое, поэтому и поиск "**нулевой**" фигурации нужно осмыслить в рамках истории **языка**, учитывая при **этом**, что риторика **не** характеризует норму как грамматическую (собственно **имеющую** отношение к нормативной грамматике) или как риторическую (соответствующую контексту, ситуации, теме, уровню собеседника и т.д.). С Другой стороны, "**успокоение**" - **понятие условное**. причем **замещаемое** на ценностью

⁴Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 С 542.

разноориентированных системах: **диахронной** и синхронной. Поэтому разговор о **том**, что есть **фигура**, неизменно должен переводиться в плоскость **исторической** грамматики.

Общей методологической особенностью современных опытов описаний фигуры является то, что в качестве фундамента для их создателей служит анализ языкового материала, внутренние свойства фигур речи, а методологической основой для рассуждений о природе фигуры как в поздней античности, так и в гуманистической традиции являлась внешняя точка отсчета: история языка. Поэтому связь современных концепций с **риториками** античности, которые определяли фигуру через внешние факторы (соотнесенность с нормой грамматической и **риторической**, разговорной речью и грамматической **нормой**, с новым и архаичным, исконным и заимствованным) является номинальной

В русских грамматиках **домакариевского** периода мы видим в качестве синонима термина *фигура* и *схему (схиму)*, и *начертание*. Рассуждения о природе *начертания* в русских грамматиках достаточно однотипны и строятся на представлении о том, что **есть** некое **“речение”**, которое не делится на **“значащая части”**.

На основе грамматик **формировалось восприятие** терминов "фигура" и "схема" **как терминов**, служащих для обозначения некоего **“изменения”** слова с помощью формообразующих или словообразовательных аффиксов. "Начертания" делятся на простые, сложные и **пресложные**. Для всех классификаций важна соотнесенность **“нулевого”** начертания с **“ненулевым”** (в **“Книге философской о осмих частех слова”** (XV в.), в **Адельфотесе (1591)**, в грамматике Лаврентия **Зизания (1596)**). В западноевропейских грамматиках вопрос о **количестве “начертаний”**, т.е. фигур, **сопровождает** описание разных частей речи, но при этом отдельного, специального термина для описания **“начертаний”** здесь нет. В России же синонимичные термины *фигура* и *начертание* рано **начинают** вести самостоятельное **существование** (особенно ярко это проявляется при **сравнении “Технологии” Федора Поликарпова с современными ей риториками, например “Риторической рукой” Стефана Яворского или Риторикой-свод**) В России **происходит** разделение функций терминов, и "фигура" в риторике воспринимается изолированно от **“начертания”** в грамматике.

Особое место в истории описания "фигур" занимают в европейской традиции описания поэтических вольностей. Раздел **“De Methaplasmo”** (Донат, **Присциан**, Диомед, **Харисий**), факультативно включался в **латиноязычные** европейские риторик и **грамматики (Меланхтон, Лоссий)**

Определение метаплазма у латинских авторов строилось на идее соотнесенности терминов **метаплазм-варваризм** и **метаплазм-фигура**. Поскольку "**metaplasumus Graeca lingua, Latine transformatio dicitur, qui fit in uno verbo**" (Isid. orig. I, 35), основанием для пересечения **понятий** варваризм и метаплазм стало именно развертывание в пределах слова. Термин варваризм не был в этих источниках синонимом **заимствования**, он описывался как "искаженная часть речи", "**порок**, который в **прозаической** речи сохраняет свое имя, но, впрочем, у поэтов **называется метаплазмом**" (Charisii Artis grammaticae). В определении **метаплазма** у Доната нет упоминаний о варваризмах и термина **фигура**, здесь сразу указывается функция **метаплазма**, который **должен** использоваться "**in alteram speciem metri**".

Разделы, посвященные описанию этих терминов у Доната и **Диомела**, начинаются с определения метаплазма. Более подробная характеристика **неправильного** образования косвенных форм дана **Альваром**, который **считает**, что то, что является **погрешностью** в прозе, может **быть** необходимым в стихе, поэтому стихотворцы для усовершенствования размера или украшения поэтического **текста могут** использовать метаплазм, а читатель **должен** быть снисходителен к поэту.

В трудах немецких грамматистов метаплазм характеризуется как "фигура поэтическая" и как "фигура орфографическая" (В "Просодии" **И.Клая** (1586 г.) раздел называется "**De Figuris versuum**", а в "Грамматике **немецкого** языка" (1587 г.) - **De metaplasmiss seu figuris orthographicis**") И **Клай**, и **Шоттель** используют в качестве основных термины греческого **происхождения**, но **Лоссий** и **Клай** приводят латинские **эквиваленты**, а **Шоттель** - **немецкие**.

В целом набор терминов, описывающих возможные языковые аномалии, уместные в **поэзии**, **традиционен**, как и сами **толкования** этих терминов. Обычно приводится перечень из **тринадцати** фигур: **протесис (просфесис)**, **эпентесис**, **пропаралепсис**, **афересис**, **эпикона**, **эпекона**, **эктасис**, **эпистола**, **диерсис**, **эпипиналафа**, **синнафис**, **антитесис**, **метатесис**.

Однако принципиально различны количество и систематизация иллюстративного материала. Лоссий, например, предпочитает давать лишь отдельные слова, без полной поэтической строки, в которой действительно происходит изменение формы слова для соблюдения метра: "dicier pro **dici**" (пропаралепсис), "**Tymbre dixit Poeta pro Tymbre**" (метатесис), "**temnere pro contemnere**" (афересис). Примеры **Лоссия** служат отсылкой к известным грамматикам Доната, Приасниана и др., а с другой стороны, к поэтическим источникам. Иначе подобраны **примеры** у **Клая**: они взяты из немецкого языка и

сопровождаются краткой грамматической справкой: "...in **genitivuis nominum**, ut: **Des Windes** / **Venti pro Winds**. **Des Buches** / **libri pro Buchs**" (эпентесис); "...**datiuo Singulari nominum**... ut: **dem Weibe** / **pro Weib**. **Dem Manne** / **pro Man**" (пропаралепсис, или *paragora*); "...in **personis verborum**, ut: **Du liebs /amas pro liebest**. **Er liebt / amat**, **pro liebet**. **Ich liebte / amabam pro geliebet**" (синкопа) и др. Шоттель, в отличие от предшественников, заменяет латинские термины немецкоязычными (в соответствии со своей языковой концепцией): **Vorzusatz**, **Hinneinsatz**, **Hinterzusatz**, **Vomabsatz**, **Herausatz**, **Hinterabsatz**, **Crisis der Zusammenzug**, **Wechselsatz** и др. Он дает примеры на немецком языке, но не стремится упорядочить их с грамматической точки зрения, предпочитая последовательности комментария полноту и разнообразие иллюстративного материала. Стихотворцы могут, таким образом, в **целях** украшения поэтического текста или для совершенствования метра использовать неправильное образование косвенных **форм**, не прибегая к такому способу в прозе. Примеры, взятые из стихотворных текстов, а не из прозы, самим фактом отнесенности к поэзии дублировали информацию о сфере функционирования "вольностей".

Таким образом, проблема поэтического **языка** **получает осмысление** в чисто грамматическом ключе (**оправданно-неоправданно** с точки зрения правил формообразования и словообразования) и с **историко-стилистической** точки зрения (**соотносимо-несоотносимо** с определенной **традицией**, архаичное или новое). **Метазыковые** тексты укрепляют идею отношения к поэтическому тексту как к **тексту**, в котором изначально в большей **мере** допускается **смешение** разных стилистических пластов. **Поэтический язык** является более свободным от грамматической **нормы**, чем **проза**, но **это** не означает полную свободу от правил: возможности их **нарушения** оговорены.

2.2. **История** поэтических вольностей в России имела долгую историю, **начинающуюся** с **Грамматики Лаврентия Зизания** и **Грамматики Мелетия Смотрицкого**. В риторике **Макария** метаплазмы представлены как "фигуры грамматические **начального** чина видов". Возможно, рассуждение о фигурах "**начального** чина видов" **Макарий** почерпнул из Риторике Луки Лоссия, хотя знание терминов **этого** раздела было в XVII - XVIII вв. всеобщим.

"**Грамматическими**" фигурами Макарий называет **фигуры**, **основным** элементом которых является буква ("литера"), **звук** или слог (это сопоставимо с рассуждениями **Дионисия Галикарнасского** о **грамматических** фигурах **начального** кипа)

Термины, описанные **Макарием**, были до последнего времени известны современной науке не как термины стилистики, а как термины **фонетики**, стиховедения, **словообразования**, исторической грамматики классических языков.

Примеры, приведенные Макарием, не всегда соотносимы с примерами из латинских источников, но принцип изменения исходного слова передается верно. В двух случаях можно говорить не только о передаче принципов **фигурации**, но и о попытке перевода **слова**, служащего примером фигуры в источнике ("**просфесис**" и "**афересис**").

Соотношение комментариев **Мелетия Смотрицкого** с комментариями Макария дает основания утверждать, что для обоих теоретиков **толкование** терминов было важно постольку, поскольку описываемые ими приемы были актуальны в рамках поиска системы стихосложения и попыток создать эквиваленты греческого гекзаметра и польского силлабического стихосложения на русском материале (см.: **М.Л.Гаспаров**). Отметим, что **Мелетий Смотрицкий**, как и **Макарий**, не приводит ни одного развернутого примера.

В анализируемых текстах есть совпадающие **примеры** ("**улишнис**", "**склипсис**"). Часть примеров, приводимых авторами, показывает, что "фигурой" часто считались **написания**, являющиеся **вариантными** для этого времени (например, написание **-нн** в прилагательных и написания типа "**Ондрей** вместо Андрей"), и свидетельствует о реально существовавшей зависимости между произношением и написанием.

Классификация "фигур начального чина **видов**" Макария появилась задолго до того, как в России распространилось **виришечительство**. Традиция описания поэтических вольностей после риторики Макария поддерживалась лишь латинскими текстами. Возможность установить отношения "**архантнос-новое**" для **примеров**, приведенных Макарием, сомнительна. Так, Макарий предлагает следующие варианты замен: "**Ивановъ** вместо **Иванова**; **правы** вместо **праведны**, **продать** вместо **продати**" (апокопа); "**госдарь** вместо **господарь**" (синкопа); "**вопиюще** вместо **вопия**, **отдавши** вместо **отдавь**" (**пропаралепсис**) и др. Можно посмотреть на эти соответствия как на фиксацию **противопоставленности** литературного и **разговорного** произношения.

Безусловно, **рассуждения** Макария могли вызывать интерес книжников **XVII в.**, так как были непосредственно связаны с представлениями о правильном и неправильном **написаниях**, но вряд ли для этого периода было **характерно** глубокое осознание противопоставленности грамматических **норм на разных этапах развития** языка. Еще не существовало того литературного **языка**, на фоне которого можно было бы осознать "вольность" как **достижение эстетической** мысли. Применительно к латинским текстам **рассуждения** о норме могли опираться на авторитет классиков, для Макария же

отсутствовали образцы поэтических **текстов**, на которых можно было бы ориентировать читателя. Поэтика этого времени больше интересуется грамматическим потенциалом слова: **так**, уже в **XVII** в. за поэтическим текстом теоретически признается большая свобода от грамматической нормы.

В **риториках** **XVII** - начала **XVIII** в. (кроме Риторики **Макария**), указанные выше фигуры нами не обнаружены. Это обстоятельство может свидетельствовать о том, что риторика Макария была единственной русской риторикой, стремившейся охватить и поэтическую, и прозаическую речь, и о **том**, что позднее риторика в России осознала себя как наука построения только прозаического текста, что было связано с первоочередной необходимостью обслуживать церковную и гражданскую сферу, а не **вирпеписательство**. Грамматические фигуры уместны именно в поэтических **текстах**, потребность в них при создании прозаического текста весьма относительна: лишь некоторые необходимы для создании **исоколона** и **парисона**

На протяжении **XVII–XVIII** вв. описанные фигуры воспринимались как **“грамматические”** и в немецкой, и в русской традиции, однако осознание того, что скрывается за определением **“грамматический”**, было разным: для русских **книжников** на первый план выступает представление о **“звуковом”** или **“буквенном”** характере фигуры. Немецкая традиция включает в классификацию поэтических вольностей указания на отнесенность каждой “фигуры” к **определенной** части речи и грамматической форме, поэтому поэтические вольности **осмысливаются** как **собственно грамматические**. Особенно ярко эта тенденция прослеживается в **Grammaticae germanicae (1578)** Кляя.

Отголоски этой теории появляются в **«Письме... о сложении стихов русских»** А. Кантемира и в **«Новом и кратком способе к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий»** **В.К.Тредиаковского**. Отличие между пониманием поэтических **вольностей** литераторами **XVIII** в. и **Макарием** заключается в **степени «грамматизации» описываемого отклонения от нормы**.

2.3. Использование **“грамматических”** фигур сводилось к трем **основным** сферам, общим для русской и европейской литературных традиций. **Во-первых**, такие фигуры были необходимы **для** соблюдения метра не только в собственно латинских или (соответственно) **церковнославянских** стихотворных **текстах**, **но** и в различных экспериментальных произведениях (например, для опытов по возрождению античного **стиха, переводах**, курьезных и фигурных стихах) и богословской полемике. К **гипотетической** сфере **функционирования** грамматических фигур **относятся** **на** **част** **згляд**, полемические тексты

Особенно **значимы грамматические** фигуры были в фигурном тексте, где наличие или отсутствие каждого знака могло повлиять на общее восприятие **образа**, лежащего в **основе** зрительного **восприятия**. Мы предполагаем, что **интенси́вность** работы с **текстом** зависела от степени геометричности фигурного текста: чем свободнее его **форма**, чем меньше она требует **симметрии**, тем **меньше** вниманию **можно** было **уделять** количеству букв в слове.

2.4. Возможность трансформации слова **являлась**, как известно, основанием многих риторических фигур, описанных **М.К.Сарбевским**. Среди способов **создания остроумного** текста в **его** трактате упоминается способ **“просодический”**, в котором “острота выводится из **количества слогов**, из **игры** со словом или **именем**” (пример, основанный на долготе и краткости гласного: “Я считаю, что **неистовство безумного** и влюбленного - одно и то же, только у одного оно долгое, **а** у другого - краткое”: **amenti - amanti** (безумный - влюбленный)).

Игра слов - общее название всех способов **создания «остроумного текста»**, описанных **Сарбевским**. В основе этимологического, **географического**, софистического, **номенклатурного** и **арифметического** способов лежит либо **анализ** внутренней формы слова, либо поиск формального сходства между структурами сравниваемых элементов. Вторая по численности группа способов - «игра в словах»: **просодический** способ **выводит соответствие/несоответствие** из **долготы/краткости** слогов; поэтический и алфавитный - из сочетаний слогов или букв. Остроумие же заключается в **экстраполяции** свойств языковых единиц **на** разные сферы человеческой деятельности (**например**, долгота звука - **продолжительность** эмоционального состояния).

2.5. Особенно важна для этого периода была практика литературного редактирования силлабических виршей, распространенная в **России** в **XVII** в. Результат подобного редактирования “Вертограда **многоцветного**” **Сильвестром** Медведевым описан Л.И.Сазоновой. По ее **наблюдениям**, **Сильвестр** **Медведев**, сделавший 160 исправлений в 135 стихотворениях Симеона Полоцкого, принимал во **внимание** 4 аспекта: “**языковой, стилистический, смысловой** и **формально-стиховой**. Половину правки составляет усовершенствование стихотворной **формы**”⁵. Например: Токмо **блюдится** в них ся **улаждати** (“Мысли **скверныя**”) (**соблюдается**); Он **яко** **пастыр** овец духовно **питати** (“Искание душ”) (як). Замена одной формы на другую явно обусловлена

---

⁵ Сазонова Л.И. Сильвестр Медведев - редактор Симеона Полоцкого (“Вертоградмногоцветный”) // Теория и история литературы: (К столетию со дня рождения академика А.И.Белецкого). К., 1985. С.89.

соображениями совершенствования метра и знанием основных грамматических фигур, а не переосмыслением синтаксических функций или морфологических характеристик.

2.6. **Концепция поэтических вольностей** как **концепция метрического** совершенствования стиха прекратила существование, однако в последние годы ситуация **быстро меняется: восстанавливаются термины**, забытые массовым читателем и имеющие **отношение к лингвистическим** и стиховедческим проблемам. Метаплазмы приобретают новое **место** в системе представлений о **фигурах**. "**Грамматические** фигуры" именуются в словаре Е.В.Клюева "**микрофигурами**", которые **понимаются** как "**трансформации, осуществляемые** в составе структуры слова", причем эта классификация пересекается с **классификацией** Т.Г.Хазанова и Л.С.Пиринной, **рассматривающих операции** в **интелектах** слова как разновидность дискретных фигур, т.е. фигур, основывающихся на нарушении целостности той языковой **единицы** в пределах которой они существуют. Можно говорить о **принципиально** новой позиции **исследователей** по сравнению с **авторитетным** мнением В.Королькова, выразившего сомнение в **том**, что фигуры могут **быть** развернуты в пределах слова.

2.7. Для **прояснения вопроса** о бытовании **терминов**, исторически связанных с разделом **элоквиция**, необходимо следовать от грамматик к **риторикам**. В латинских источниках "**фигура**" и "**схема**" не являются синонимами.

Смешение понятий "**троп**" и **фигура**" и возникшая в связи с этим необходимость оговаривать **различия** между тропом и фигурой были **известны** в России еще до **XVII в.**: такой подход **зафиксирован** в трактате "**Об образах**". Риторика **Макария** продолжает эту традицию - "**фигура**" здесь переводится как "**выображение**".

Приобретение соответствующих навыков должно было опираться на грамматику, поэтому для вас представляет интерес **характеристика** фигур в Грамматике **Мелетия Смотрицкого**. Отмеченная им "**утвержденность**" нарушения правил "**искусных писателей** употреблением", восходящая к латинской традиции "**auctoritatis**", довольно рано стала общим местом в рассуждениях о достоинствах **языка**. **Примеры**, рассматриваемые **Мелетием Смотрицким**, можно условно разделить на две группы: примеры, в которых достигается краткость ("**синфеси**, или **сложение**", "**зевгмати**, или спряжение", "**пролипси**, или **предвзятие**", "**силлипси**, или **ослабление**"), и примеры, в которых показатель протяженности не меняется ("**просфеси**, или приложение", "**антиптоси**, или **местопадежи**", "**сналлазе** или изменение").

Именно вопрос о протяженности **текста**, как мы **видим**, **по-разному** решается **риториками** и грамматиками. Грамматика не освещает проблемы традиционной

классификации риторических фигур. Нет необходимости в описании фигур **прибавления** и **повтора**, поскольку (как и в европейской традиции) грамматика должна рекомендовать способы достижения грамматической правильности и **краткости**, а эти фигуры увеличивают текст. (Особую роль эллипсиса **как средства** достижения краткости отмечал автор рукописного трактата **“О тропах и фигурах” (1796)**). Фигуры убавления – единственный тип фигур, являющийся узаконенным **нарушением** грамматической **нормы**. **Мелетий Смотрицкий** пишет о фигурах, строящихся на допустимом нарушении грамматически безупречных моделей. В случае, когда образцовая схема не разрушается, а повторяется, получается ее **“умножение”**, т.е. фигура прибавления. Если мы принимаем такое толкование, то становится очевидным следующее: под **“нарушением правил”** понимается нарушение грамматических **правил**, которое могут себе позволить “искусные” писатели.

“Искусный писатель” остается в рамках нормативной вариативности, которую предлагает грамматика. Нарушения, не предусмотренные грамматикой либо не **регулируемые** ею, описывает **риторика**, поэтому такие “фигуры” не **рассматриваются** **Мелетием** Смотрицким, Термины, обозначающие **фигуры**, описываемые **Мелетием**, одинаково относятся и к сфере синтаксиса, и к собственно риторике. Терминологическая общность (**просфесис** – приложение в синтаксисе и **просфесис** – протеза – тип фонетического изменения; **силлепс** – стяжение в синтаксисе и фонетике) работает на укрепление **представлений** об изоморфизме разноуровневых **языковых единиц**.

Подробное описание фигур убавления и примеры “нарушения правил” посредством подражания греческому синтаксису представляют собой контраст по отношению к требованиям **риторик XVII – начала XVIII в.**, поскольку в них основу рассуждений о фигурах составляют фигуры **прибавления**, а фигуры убавления уходят на периферию классификации. **При** этом в описании фигур скрывается некий потенциал **плеонастичности**, которая остается “за кадром” как **плеонастичность** нормативная. Очевидно, что аналогом такого осознания соотношений нормы и **не-нормы** является в современной науке метод трансформационного анализа (см. работы **Е.В.Падучевой, И.И.Севабо и др.**).

Ориентиром для русских книжников была не **“абстрактная”**, а вполне конкретная норма сочетаемости слов, **зафиксированная** Мелетием Смотрицким в **Грамматике 1619 г.** Здесь дается не только порядок следования друг за другом разных частей речи в предложении, но и их **“идеальный”** состав. Из самого наличия **“образцового”** описания состава предложения в Грамматике, изучение которой предшествовало курсу **риторики**,

следует, что традиционный для латинской риторической традиции тезис о несоответствии фигуры норме был понятен русским книжникам.

Именно в описании нормативного **словорасположения** зафиксировано представление о порядке слов: подлежащее должно предшествовать сказуемому; слова, которые "изысняют" главные члены, должны следовать за ними. По мнению **Мелетия Смотрицкого**, позиция второстепенных членов предложения зависит от позиции подлежащего и сказуемого.

Риторика оценивают случаи нарушения порядка слов как необходимые в украшенном тексте. В **Риторике-своде** приведено следующее определение: **"ипербатон** (гипербатон, **ипербат**) - *"преступление, егда чин словес приступаем, или мешаем **применением** в слове или в наречии, то есть которому речению **чесому** было по сочинению грамматическому **бысть напреду**, полагается **назади**"* (БАН. Собр. Друж. № 122 (153) Л. 584.). "Ипербатон, или **преходительнос** (**еж**е и смущение **глатися** может) < . > сладость и красоту **подасть слову** <...> И се парадигма сему: **Алексий Москвы чудотворец яте являс**я от в мире сем жизни **преславный преиде**, но никогда же **старсеем**ей, славно ж го **святых** лики **ликует** в ней. Сил **не по ипербатону**му **тропосу**. **Алексий чудотворец являс**я **Москвы явене** от жизни **сущия** в мире **семь** преиде к **нестарсеем**ей когда и савно **слики святых** в ней **ликует**." (БАН. 21.8.5. Л. 125 об.) Нарушение **"чина словес"** **приходит** в результате замены контактного словорасположения дистантным

Сопоставление маркированных и немаркированных **вариантов словопорядка** позволяет предполагать проницаемость синтагм в риторически украшенном тексте и, соответственно, непроницаемость в нормативном. Можно применительно к этой проблеме говорить об осознании книжниками идеи проективности и стилистических возможностей непроективных структур. Это было особенно важно для **писателей**, которые должны были писать **"чисто"** и **"ясно"**, но ощущали давление и другого эстетического идеала: идеала **искусного многословия**.

На интуитивном уровне мы воспринимаем образцы **гипербата**, регулярно встречающиеся в **риториках** этого времени, как громоздкие (ср.: И.П.Севбо). Для нас такие **"парадигмы"** являются еще и иллюстрацией к описаниям феноменов **"сложности"** и **"громоздкости"** в работах современных исследователей. Вряд ли эти примеры **производили такое** же впечатление на читателя. Они были демонстрацией **исключительно** **"искусного"** слога, поскольку **свидетельствовали** о знании грамматических норм и церковнославянского, и греческого языков, **благодаря чему** **речь** становится отличной от **"общего глаголанья"**.

“Схима есть изображение некое речения или **словесе** от **общаго** отменное, или есть способ в речении или в **словеси науковторный**, общему же **глаголанию** не **весма** приличный. Отделяется от **троповъ**, яко тропы не в собственных **речениях**, но в чужих бывают. Схима же в собственных речениях. **Егда** известная или собственная **речения** **слагаются**. обаче снисходят часто въ **единомъ глаголаньи тропъ** и **схима**.”(РНБ. Тит. 2175. Л. 121 об.) Вероятно, причину различия тропа и фигуры по признаку “чужое” – “свое” в риторике Михаила Усачева можно увидеть на материале, которым располагал автор риторики. Поскольку **считалось** пристойным опираться на общие **места**, восходящие к тексту Св. **Писания**, тропы (по происхождению) действительно не являлись авторским **изобретением**. Существовали специальные пособия, содержащие не только сами перечни рекомендуемых тропов, но и примеры их возможной сочетаемости в текстах. Таким **образом**, в выборе тропов автор текста мог быть ограничен. Относительная свобода была **возможна** только в “**собственных**” **речениях**, то есть в использовании **риторических** фигур. Существенно отличается от прочих **определений** фигуры определение **Георгия Данииловского**, риторика которого явно стоит особняком в ряду прочих **трактатов**, посвященных **красноречию**: “**Фигуры** же и **иныя** суть речей **глаголовъ**, **которыя** в составе **словесъ** и в **красномъ** и **согласномъ оныхъ** положении состоятъ: и паче же изменяется или же **престаетъ быти** фигуры” (РНБ. О. XV. 16. Л. 58-58 об.). “**Красота**” фигуры **заключается**, по мнению Георгия Данииловского, в ее “**правильности**”, то есть непротиворечивости грамматической норме. Когда речь идет о неустойчивости языковой нормы в XVII в., исследователи имеют в виду состояние живого языка. Когда о норме **говорят** книжники, они **имсют** в виду **нормы, закреплённые в грамматиках**.

Поскольку обязательными качествами речи должны были быть “**чистота**” и “ясность”, а “**чистым** и исправным” считалось слово, “**не** имущее **погрешений**, **так**о противу сочинения грамматическаго синтаксис именованнаго, яко и против этимологии, **аще** к **староречия**, **образы** **нынешними** **века** не **употребляемъ** **отвергающе** **храняще** же свойство и сочинение **собственнаго** **диалекта**, **словес** же и **образцов** **глаголания** **имуще**” (Риторика Георгия Данииловского. РНБ. Собр. СПбДА. № 232. Л.33 л.), то именно фигуры **убавления** могли создать прецедент отступления от **этих** принципов. При описании фигур убавления наблюдается наибольшая вариативность как в **терминологии**, так и в иллюстративном материале и комментариях к нему. Этими фигурами оратор должен был пользоваться очень умеренно, а для **риторик** характерно имплицитное отрицание их **ценности**.

Итак, современные проблемы определения фигуры речи, возведение в абсолют "стилистической" функции фигуры исторически обусловлены изначальной недостаточностью информации о грамматических вариантах **фигуры**, индифферентным отношением большинства русских **риторик** к проблеме связанности каждой **из** них с определенным типом красноречия и различиям фигурации в поэзии и прозе.

Изучение языковых аномалий, **опирающиеся** на самые разные классификации (см., напр., у Ю.Д.Апресяна: **уровневые аномалии**, аномалии степени, намеренные аномалии и т.д.), сейчас практически не связано с теорией **фигуры**, хотя многие работы, посвященные аномалии, констатируют особую **"выразительность"** всякой "ошибки" и связывают ее наличие с особенностями авторского мироощущения (**Ю.И.Минералов**, Д.Н. Шмелев и др.)

2.8. Как **литераторы**, так и авторы **риторик**, создавая собственную стилистическую концепцию, испытывали необходимость тщательного отбора определенных **риторических** фигур, способных сделать текст **"украшенным"**, "достойным" и "понятным". **Многословие** как показатель учености должно было быть включено в систему **virtutes dicendi**. Однако описания проблемы **"краткости"** и **"пространности"**, как и других достоинств речи, отличались разнообразием уже в античности.

В Риторике **Макария** рекомендовалось, чтобы "латинским истинным языком, и чтоб **ясно** и незакрыто и украшенную **речью** или **глаголением** и **удобно говорилось**". Понятие "латинский истинный язык" было для Макария **простой заменой термина** **"latinitas"**, а не требованием писать в соответствии с латинскими нормами.

Тсория фигуры речи занимала важное место в общеевропейской дискуссии о **стиле** (**аттицизм** и **цицеронианизм**). Проблема выбора авторитетных образцов, достойных **подражания**, была вновь востребована в связи с формированием национальных языков. В **Европе** полемика велась вокруг нескольких ключевых вопросов. **Во-первых**, дискуссионным был вопрос об отношении к **"образцовым"** текстам **римской литературы**. **необходимо** было выбрать **"идеальный"** стиль. Одна из **сторон** признавала более **строгим**, ясным и, следовательно, **образцовым**, стиль **Цицерона**, другая - более искусным и исполненным интеллектуального содержания стиль, выработанный **Юстом Липсием**. Проблема образца в такой трактовке, безусловно, вступала в противоречие с новыми (по сравнению с предыдущей эпохой) критериями **ценности** текста: критерием его оригинальности и критерием его правильности с грамматической точки **зрения** (т.е. соответствия **грамматическим**) **Иными словами**, оригинальность **противоречила** критерию нормативности, правильности **слова**, а авторитетный источник **зачастую яв**

прецедентом **узаконивания** ошибок. В России XVII в. ведение споров в рамках общеевропейской полемики могло стать лишь уделом интеллектуальной элиты.

Противники порицали стиль **аттицистов** "за его неясность, **темноту**, ненормативный язык с неологизмами и **архаизмами**, чересчур смелые метафоры, сухость, скачущие предложения, аффектацию, нестройную композицию и т.д." (С.И.Николаев).

Ценным свидетельством **предпочтений** русских книжников в области литературного стиля являются **Риторика-свод (30-40 гг. XVIII в.)** и Поморская **риторика**, считающаяся учебником второго поколения **выговских** книжников. Вероятнее всего, интерес **выговцев** к определенным риторическим фигурам и отрицание значимости других соответствовали общей тенденции, сформулированной как требование "**нарапцати**" или "**умножати**" слова. Под "**словоращением**" подразумевался особый тип **аргументации** через **умножение** аргументов и детализацию.

Вряд ли такое видение особенностей красноречия составляло оригинальность риторической **концепции** старообрядцев: в русских **риториках** очень сложно **найти** описание достоинств краткого слога, поскольку сознательный отказ от восприятия теории "остроумия и краткости слога" применительно к **эпидейктическому** красноречию был общим свойством текстов, созданных русскими риторам. Существеннее то, что концепция многословия оказалась жизнеспособной в **Выговской** поморской **пустыни**.

Интерес гуманистов к поэтическим вольностям, к использованию грамматически **несовершенных** конструкций в **прозе** в **языковым** экспериментам был чужд **книжникам**, **как**, впрочем, и учение о способах создания кратких текстов. На наш **взгляд**, такое усиленное внимание в русских риториках XVII - начала XVIII в. к разным **способам** увеличения протяженности текста вполне объяснимо: "Вообще из приемов, одинаково принадлежащих всем... родам речей, преувеличение всего более подходит к речам **эпидейктическим**, потому что здесь оратор имеет дело с деяниями, признанными за **неоспоримый** факт: ему остается только **облечь их величием к красоте**." (Аристотель)

Третья глава ("Теория фигуры речи и проблемы литературной **преемственности**") включает 5 разделов: 1. К вопросу о "**тромоздкости**" и "**прозрачности**" текста; 2. Риторическая организация житийных текстов; 3. О фигурации курьезных текстов; 4. "**Плестение** словес" и "ращение слов"; 5. Амплификация в современной поэзии.

Материалом, на котором исследуется соотношение теории и практики фигурации текстов, послужили памятники **разных** жанров, наиболее показательных для **изучения** **данного** аспекта - как широко распространенных в **предшествующий период** (житие).

похвальное слово), так и новых для книжной культуры рубежа **XVII - XVIII** вв. (силлабическая поэзия, курьезные вирши).

На основе частных наблюдений делаются выводы о соотносительности *протяженности* (краткости и долготы) и *прозрачности* (ясности) текстов. Рассматривается **понятие** *сращение слов* как основа для формирования культа многословия в литературной традиции. В главу включен анализ примеров неосознанной актуализации риторических принципов авторами современных поэтических текстов.

3.1. Полифункциональность панегирика как жанра ораторской прозы сделала **его** популярным в **XVII** - первой половине **XVIII** в. Похвальные слова составлялись в соответствии с определенными риторическими требованиями, поэтому зачастую особо преуспевали в этом жанре сами авторы **риторик**. Как **известно**, показателем ораторского мастерства теоретики красноречия считали умение "распространить свой предмет" (Цицерон).

Благодаря работам Г.Н.Акимовой мы имеем достаточно подробный анализ размера предложения в ораторской прозе **М.В.Ломоносова**, однако замысел этих **работ заключался** не только в том, чтобы охарактеризовать протяженность предложения с количественной и качественной точек **зрения**, но и в том, чтобы прояснить **вопрос** о **лингвистическом** содержании **понятий** "сложность" и "**громоздкость**". Степень сложности текста **неразрывно** связана с его "**прозрачностью**", **понятием, характеризующим** степень однозначности читательского восприятия **текста**, масштабность ассоциативных связей, возникающих при прочтении.

"Прозрачность" зависит от множества факторов, но есть и **общие** закономерности: глаголы более прозрачны, чем существительные и **прилагательные**; наименьшей "**прозрачностью**" обладают **фразы, оканчивающиеся самими "непрозрачными"** элементами (т. е. **существительными** и прилагательными) (Петров В.М., Каменский В.О., **Драпидская Н.М.**).

Если понимать под термином "фигура" **семантико-синтаксическую** модель, являющую собой особый способ распределения в тексте языковых единиц, принадлежащих разным языковым уровням, служащую для имплицитного выражения авторского отношения к **предмету** высказывания, то благодаря элементарному анализу количественного и качественного состава фигур можно выявить механизм описания **восприятия** любого текста.

Анализ фигурации похвальных слов **Софрония Лихуда** (Похвальное слово В.В.Голицыну на возвращение из второго Крымского похода (июнь 1689 г.), Слово **похвалительное** на **преславное** венчание **благочестивейшия великия** государыни **нашей** императрицы Екатерины **Алексиевны** (7 мая 1724 г.) и др.) показал, что в текстах преобладает стандартный состав риторических **фигур**, описанных и в самой риторике Лихуда: **анафора**, **эпифора**, **симплож**, **анадиплосис**, **гомеопотон**, **полипотон**, градация, **полисиндетон**, **диафора**, **парегменон** и т.д. Практически не используются следующие фигуры: амфиболия (**двусмысленность**, основанная на многозначности слова), **катахреза**, анаколуп (синтаксическая рассогласованность частей или членов предложения), **апосиопеза**, апокопа, **диакота**, **какэмфатон**, логогриф.

Такая система предпочтений **обусловлена**, на наш взгляд, тем, что все не использованные **Лихудом** фигуры основаны на отображении идеи неповторяемости, разрыве с идеей **счета**, расчлененности множества на отдельные части. Эти фигуры **демонстрируют** **рассредоточенность** внимания и изменчивость эмоционального состояния автора, его недостаточно четкую **целеустановку**. Используемые в тексте **фигуры**, **напротив**, передают идею устойчивости эмоционального настроя, идею упорядоченности и взаимосвязанности всего **сущего**.

Наименьшей "прозрачностью" характеризуются построения в начале текста. Эти фрагменты целиком основываются на **"именной"** фигурации: глаголы словно не **участвуют** в построении **текста**, снискавшего репутацию **"риторически избыточного"**. В **начальной** части - **"предисловии"** - глагольная фигурация встречается реже, в отличие от **главной части**, где и разворачивается повествование. **По-видимому**, идея **стилистической** противопоставленности имени и глагола (ср. **Лотман М.Ю.**, Wells R.) и возведение **частотности** того и другого в ранг **дифференциального признака** стиля — **изобретение античных риторик**. Особенно часто среди именных фигур встречаются **полипотон** и **гомеопотон**. В **проповеднической традиции**: самым **распространенным** ходом было **либо** повествование через объяснение имени, **либо** через подобие, сравнение, аллегорию, **либо** **через** разложение общего понятия **на** частные: все эти способы **написания** текста **проповеди** предполагают большую частотность имени.

В отличие от **фольклорных** жанров, где для фигуры характерно стремление к "предметности" и **двухкомпонентности**, в **нашем** материале происходит существенное усложнение **полипототной модели**. Для похвальных слов характерны **иное** количество компонентов, **формирующих** фигуру (на которой иногда строится весь текст), случаи

смешения двух фигур: **полигготона** и **дистинкция**. Кроме того, похвальные слова демонстрируют переход от предметного восприятия объекта к абстрактному. (Так, в Слове похвальном Св. **Варлааму Хутынскому** многократно в разных падежах употребляется существительное *броня*, и, хотя по формальным признакам можно считать, что **текстообразующей** фигурой является **полигготон**, **представленный** существительными *ратоборцы* (4 словоупотребления), *исполин* (26 сл.), *броня* (11 сл.), вернее было бы утверждать, что это полигготон, смешивающийся с **антанаклассой**).

Софроний Лихуд и М.В.Ломоносов (Слово благодарственное на **инавуграцию** Университета; Слово благодарственное на освящение Академии художеств; Слово **похвальное** Елизавете Петровне; Слово похвальное Петру Великому) по-разному используют **возможности** именной фигурации: для прозы М.В.Ломоносова более характерен **гомеоппотон**, тогда как полигготон крайне **редок**. Здесь классификация полного перечня явлений как принцип важнее принципа многосторонности изображения объектов, поэтому **аффиксально-семантический** повтор (гомеоппотон) более **важен**, чем **корневой** (полигготон). Возникают **компенсаторные отношения**. восприятие **текста**, осложненное вследствие широких ассоциативных связей **“непрозрачного”** имени, упрощается благодаря формальной **организации**, удерживающей внимание.

Частотность глаголов в похвальных **речах**, как и в других жанрах, ограничена **риториками** (в ораторской прозе **должны** преобладать формы настоящего времени), тогда как **“именная** фигурация” соответствовала **“повороту”** к миру предметов в духе того времени (см работы А.А.Морозова, Л.А.Софроновой, Л.И.Сазоновой, Ю.Н.Звездиной и др.): отсюда увлечение смешанными фигурами, представленными именем (гомеоппотон, **дистинкция**, **парегменон**, **эпимона**, полигготон и др.). При этом синтаксически менее сложные **конструкции** более **насыщены** именными **фигурами**, поскольку простота конструкции автоматически **подразумевает** низкую частотность глагола, и, **напротив**, примитивизм в использовании **именных** Фигур (или их отсутствие) характерны для синтаксических структур, субъективно оцениваемых как **“тормозные”**.

3.2. В разделе, посвященном описанию житий, особое внимание уделяется риторической организации предисловий. Именно начало текста, т. е. предисловие, дает определенную установку читателю или слушателю, подводя его к осознанию **“исходной точки”** (см. работы Е.А.Успенского, **М.Р.Майсеновой** и др.) Традиция исследования **предисловия** как **отдельной** значимой части произведения **еще** не **сформировалась**, хотя **известен** целый ряд **классических работ XIX** - начала XX в. (**В.И.Ключевский**, **В.Н.Перетц**, **Н.И.Серебрянский**, **Ф.И.Титов** и др.).

Поиск возможных **закономерностей** в построении текста предисловий к житиям приводит к их описаниям в **риториках**, популярных в **XVII** -- начале **XVIII** в. Согласно риторике **Софрония Лихуды**, предисловие - **“вход слова яко преддверие прилично быта должно”**. Оно не может быть заменено кратким объявлением темы. Существуют два основных типа предисловий: **“для нужды”** и **“для украшения речи”**. Первый тип может быть **“дробным”**, т. е. **“от рода в вид сходящим”** или наоборот. Предисловия **“для нужды”** в большой степени обусловлены реальной ситуацией, что ярко выражено в их классификации: **“от разумения”** - учитывается настроение слушателей; **“от времени”** - речь начинается с описания достопамятного случая; **“от изобилия”** - излагается история, ассоциативно связанная с конкретной темой; **“от подразделения”** - предисловие делится на **части**, являя собою композиционно завершенное сочинение. Предисловие **“от подразделения”** - это, по существу, промежуточная форма между предисловием **“для нужды”** и **“для украшения речи”**, которые здесь трудно отличить друг от друга. Благодаря предисловиям **“не из оных вещи изъятых”** и **“противу правил”**, из любого **“неблагодетельна”** мужа можно сделать внимательного слушателя путем **“подлога”**.

Предисловие - **“в царския палаты пресветлыя преддверия”**, поэтому должно обладать строгой структурой и мыслиться как самостоятельное построение (текст в тексте), предвещающее текст и поясняющее его содержание: **это “свеща паляща и светяща”**.

В начале речи нужно **“положить тему”**, взятую **“с писма святого сиречь из Библии”**, причем все части проповеди должны быть согласованы с ее началом. Здесь к предисловию предъявляются следующие требования. Выбор языковых средств зависит от уровня грамотности слушателей; цитаты включаются **“не без порядку”**, **“из чужих поучений или взятые из книг”**; **“слово”** начинают, употребляя **“хитрость риторическую”**, **“о многих вещах под одним родом или видом с твоей положенных”**; лучше начинать без толкования самой темы, повествуя о ветхозаветной истории от символов, эмблем, и только если слушатель к такому предисловию не готов, можно говорить о мирском.

Материалом для нашего исследования послужило Житие **Корнилия Выговского**, (известно около **80** списков). Первая редакция была составлена **Пахомием**, келейником Корнилия, в **1723 (1727) году**, вторая редакция создана Трифоном Петровым (1660-1766), одним из учеников братьев Денисовых. Наиболее ярким воплощением многословия в данном памятнике стало составленное Трифоном Петровым предисловие.

Все мотивы заданы ключевым словом в первом периоде: **ДРЕВО**. Обусловленное авторитетностью источника и спецификой средневекового сознания использование

символов ДРЕВО, ФИНИК, КЕДР, КИПАРИС, МАСЛИНА, КРИН было общим местом богослужебных и житийных текстов. В различных житийных текстах встречается разный подбор символов: в Житии **Филофеи** - только ДРЕВО, в Житии **Иоанна Рыльского** - ДРЕВО и **КЕДР**, в Житии **Илариона** Мегленского - ДРЕВО и **МАСЛИНА**, в Житии Параскевы - ДРЕВО и КРИН (см. варианты этой **библейской** цитаты в Житии Стефана Пермского, Житии Антония **Сийского**).

Однако нанизывания символов, подобного использованному Трифоном Петровым, в текстах не встречается, как и случаев их концентрации в предисловии. Анализ данного ряда позволяет сделать вывод, что первая часть предисловия, построенная как цитатная амплификация, сама нуждается в истолковании. **Отметим**, что подобные примеры **предисловий**, написанных как интерпретация интерпретации, были широко распространены в польской литературной традиции XVI - XVII вв. в качестве "схемы содержания и значения произведений" (Л.А.Софронова).

В **поздней агиографической** традиции, где степень осмысленности использования риторических приемов была **достаточно высока**, риторические фигуры, обладающие высокой частотностью, могут быть опорными **точками** для **анализа** исторических **реалий**, упоминаемых автором.

Именно необходимость участия **выговских** книжников в богословской полемике обусловила их пристальное внимание к риторической фигуре в первую очередь, и лишь затем - к тропу. Фигурация устного выступления **удерживает внимание слушателя** так же, как высокая частотность тропов в письменном тексте - внимание **читателя**. Поэтому в предисловии к Житию **Корнилия Выговского** 2-й редакции тропы градационны, фигуры - оригинальны.

3.3. Разнонаправленные тенденции (к долготе и к краткости) могут быть рассмотрены и на примере разных типов стихотворных текстов.

На фоне "**разделения словес**" стиль **курьезных текстов** является **исключительным**, так как это **стиль**, основа которого - краткость. В **большинстве** случаев **курьезные вирши** демонстрируют отказ от глагольной рифмы. (Ср. с общеизвестным фактом: у Симеона Полоцкого 3/4 рифм - глагольные). Таким образом возрастает **непрогнозируемость** морфологического состава стихотворной строки. Исключение из правил - **четырёхгранные** и согласованные вирши.

Вопреки распространенному мнению, сближающему курьезные и фигурные тексты, можно говорить лишь о **сближении** на формальном уровне: в фигурных **текстах** визуальная дискретность, осложняющая восприятие, компенсируется **простотой**

синтаксиса и, **следовательно**, фигурации, тогда как в **курьезных** виршах дискретность иного типа: разрушающая целостность слова не только как **графического** изображения, но и как морфологического и фонетического единства.

Именно для авторов курьезных виршей были существенны знания таких **фигур**, которые **позволяли** при создания акrostихов четырех типов, телестихов, **месостихов**, единогогласных виршей заменять одни буквы другими (**антитеза, метатеза, протеза, епентеза** и др.) или варьировать количество букв в слове в "столпах" (**ропалическом** стихе) и раках (палиндромах).

Такие приемы были знакомы книжникам и из предшествующей книжной традиции, но теоретического обоснования они прежде не имели. Основой для описания типов курьезных виршей стали "литера" и "**силляба**". Это, безусловно, связано с действием тенденции к краткости: сжатость текста делает значимыми все его элементы.

При этом связи между **словами, словосочетаниями**, строфами не фиксируются или фиксируются слабо, поэтому читатель **свободно моделирует** связи между разными элементами текста и явлениями, о которых идет речь, возникает так называемая "**стилистическая амодальность**" (Т. Michalovska), когда на основе данного текста **можно** конструировать новые тексты.

Эту литературную тенденцию **можно** считать последовательным развитием идеи, разработанной в риторике XVII - начала XVIII в.: троп сковывает свободу **автора**, а фигура **его** раскрепощает. Именно в курьезном тексте **обусловленность** фонетических и морфологических вариантов стихотворным размером сведена к минимуму, тогда как в **обычных** виршах **существование** вариантов может быть **объяснено** скорее законами стихосложения, чем авторскими теоретическими изысканиями в области грамматики.

3.4. Возможности экстраполирования понятия "**плетения** словес" на языковой материал XVII - начала XVIII в. ограничены **тем**, что описание "**плетения** словес" в **письменных источниках, связанных с определенной риторической или гомилетической традицией**, является большой редкостью.

В русских **риториках** XVII - начала XVIII в. используется понятие "**ращение** слов", которое, судя по образцам (парадигмам), действительно служит для обозначения плеонастического литературного **стиля**. (На сходство стиля "ращения слов" со стилем "**плетения** словес" как "**использования** изложенных в риторике приемов "**витийства**" (тропов, фигур) и "**изобретения**" ("**мест**")" обратила **внимание Н.В.Поньрко**).

Указание на необходимость "**наращати** слова" или "**растити** слова" (**способ** развертывания аргументации) встречаются в Риторике-своде, а в более ранний период в

Риторике **Макария** (1619), **Софрония Лихуда** (1699), **Геоργия Данииловскаго** (до 1720). В Риторике **Геоργия Данииловскаго** синонимом **“ращения”** является термин “размножение”. **Аналогом** терминов **“ращение”**, **“умножение”**, “размножение” в риторической традиции были латинские термины **“amplificatio”** – увеличение, расширение, усиление, нагромождение; **“incrementum”** – увеличение, развитие, нарастание; **“augere”** – **умножать**, увеличивать, расширять и **auxesis**. В целом идея **“словоращения”** заключается в детализации представлений о предмете **повествования**.

Термин **“умножение”** был зафиксирован уже в первой русской риторике, где он используется для передачи значения латинских **amplificatio**, **incrementum**, **auxesis**. При этом в тексте разведены представления об увеличении протяженности текста в целом и описания частных приемов, служащих для этой цели. В дальнейшем традиция считать **amplificatio** гиперонимом по отношению к **incrementum**, **comparatio**, **rationatio**, **congeries** постепенно утрачивалась.

В научной литературе и сейчас встречаются образцы восприятия амплификации как риторической фигуры, а не как общего понятия, обозначающего совокупность **тропов**, фигур мысли и фигур речи, общих мест, с помощью которых **увеличивается** протяженность текста.

Несмотря на **то**, что русские риторы традиционно писали о прочих родах риторических речей, внимание книжников было сосредоточено именно на роде **эпидейктическом**. В меньшей степени **это выражено в** Риторике 1619 г., **приписываемой Макарию**, наиболее ярко – в Риторике **Геоργия Данииловскаго**. Такая диспропорция в отношении теории “словоращения” была обусловлена **востребованностью** риторик именно в церковной среде.

Возвращаясь к **сопоставлению** **ращения** **слов** и стиля **плетения словес**, на основе нашего исследования мы можем утверждать, что это вещи разнопорядковые, и потому **несопоставимые**, **так как невозможно сопоставлять риторический прием и стиль**. Такое видение их **соотношения** не снимает проблемы различий между **плетением** словес и барочными **текстами**, которые предполагают не столько эмоциональное воздействие, сколько логическое восприятие, осложненное широкими ассоциативными связями **“непрозрачного”** имени.

3.5. В древнерусской традиции амплификация создает ощущение единства повествования и общего хода всемирной истории, таким образом достигается укрупнение масштаба событий. В **рассматриваемых современных текстах** действует принцип дискретности изображения **явлений**, поэтому при типологическом сходстве приема он не

выполняет здесь традиционных для него задач. Мы сознательно избрали **произведения**, которыми нередко иллюстрируют тезис о распространенности в **новейшей** поэзии **бессистемного цитатнического** произвола. Анализ творчества **Т.Кибирова** на фоне других текстов, относимых обычно к постмодернистским, позволяет раскрыть актуальный потенциал риторической традиции. Если оценивать амплификацию именно как способ **расширения аргументации**, то случаи повтора **также следует** рассматривать как средство передачи расширенного объема **представлений** о предмете. Это, в свою очередь, дает повод изучить материал с точки зрения специфики фигур прибавления.

Риторические фигуры можно считать основой для сравнительного анализа текстов, поскольку их выбор (как и в ранней традиции – ср. **С.С.Аверинцев**) обусловлен авторским способом систематизации собственных представлений о **реалиях**. Многочисленные **опыты** использования риторической терминологии в трудах **Е.Б.Артеменко, Э.М.Береговской, Н.П.Гринцера, Т.Я.Елизаренковой, В.В.Иванова, М.И.Лекомцевой, М.Б.Плюхановой, В.Н.Топорова, Т.Г.Хазаргова, К.Э.Штейн, Р.О.Якобсона** и др. показывают, что такой подход продуктивен для анализа любого текста, вне зависимости от времени его создания и жанровой принадлежности.

В **исследованных** текстах Т.Кибирова повтор функционирует в виде **полиптотона, эпимоны, диафоры, анафоры, эпифоры, анадиплосиса, гомеотелевтона, паронимазии, синатройсма**. С точки зрения морфологического наполнения эти фигуры могут быть охарактеризованы как субстантивные (в основном **представленные существительным** или местоимением). В создании риторических фигур глагол **задействован** крайне редко и традиционно (**гомеотелевтон**, полный синтаксический **параллелизм**, хиазм), снижается плотность глагольного употребления. Это вполне ожидаемый результат: глагольность в тексте бывает обусловлена описанием интенсивности событий (ср. **М.Б.Плюханова**). Именно субстантивный повтор, распространенный у **Кибирова**, необходим **для** выражения **идеи десемантизации традиционности**. Эта идея не может быть выражена посредством интенсивной глагольной фигурации. **Читатель**, воспитанный на **текстах**, в которых повтор находится в сильной позиции и выполняет традиционную функцию эмоционального и логического воздействия, пытается искать смысл в повторяющихся **элементах**, связывая их в цельную логизированную картину. Операция, привычная для такого читателя, оканчивается неудачей, поскольку **десемантизация** элементов фигуры усиливается ее лексическим наполнением.

В **текстах** Т.Кибирова **гомеоптотон**, выражающий **непосредственное** представление об идее **количества, считаемости, продолжаемости ряда**, представленной

существительными в формах косвенных падежей, противопоставлен по частотности **полипотоноу** и **эпимоне**. Последние две фигуры, максимально демонстрирующие парадигму склоняемых частей речи, создают детализированную обобщенную картину, *единство фрагментарности*. **Гомеоптотон – фигура**, демонстрирующая представление о формальной **объединяемости** объектов, независимо от их одушевленности / **неодушевленности** или **принадлежности** к определенной **лексико-семантической** группе. Гомеоптотон сопровождается в этих примерах **синатройсмом** (нагромождением единиц, объединение которых на основе общности семантики невозможно).

Естественным выглядит переход от **недискретных** фигур к дискретным, формирующимся безотносительно к морфеме, слову или словосочетанию и не имеющим собственного плана содержания. Такие фигуры обычно применяются, когда под "эмоциональной неустойчивостью" автор скрывает от читателя коммуникативную установку.

Подобные примеры (логогриф, **парономазия**) многочисленны в текстах Саши Соколова, ДА **Пригова**. Переходы от дискретности к недискретности можно трактовать как балансирование между предметностью и непредметностью, **игру** иерархичностью анализа и **синтеза, абстрагированностью** действия или процесса от действующего. **Этим** обстоятельством обусловлена и неиспользуемость глагольного потенциала (не только в **поэзии**, но и в прозе)

Цитатная амплификация как разновидность повтора **характерна** для любого **автора**, воспринимающего свое творчество в культурном контексте. Но существует принципиальная разница **между, например**, цитатой в древнем тексте, цитатой у поэта-символиста и тотальной **цитатностью** в литературе постмодернизма. Для символиста цитата или реминисценция – способ "синтезирующего освоения разнообразных **культурных традиций**"; смысл стихотворения "почти всегда образуется сложным **соотношением** цитат и не-цитат" (З.Г. Минц). У **Т.Кибирова** цитата не **маскируется**, она служит не знаком отсылки к чужому творчеству, а отсылкой к исторической ситуации. Поэтому (подобно произведению **эпоигра**льного стиля) "сегменты текста обретают геральдическую **застылость**, они срастаются в единую форму на основе внутренних **связей** между частями целого <...> плотность стихотворной **строки** <...> **выше**, чем слитность всей композиции" (Л.И. Сазонова).

Использование знакомых приемов разрушает стереотипы **восприятия** повтора не диктует толкования; каждая **из** повторяемых единиц, **взятая** в **отдельности**, не

интерпретируется, но в сумме они **позволяют** выходить на тот уровень **передачи десемантизации** банального, который становится импульсом к формированию собственного отношения к реальности. Анализ **специфики** цитатной амплификации на материале древних текстов говорит о другой ее функции: фигуры повтора делают произведение "доходчивым и дидактичным". Образованный читатель стремится к поиску смысла по традиционной модели, что и приводит его к утверждениям о "бессмысленности" современной поэзии и "**издевательстве**" над русским словом. **Дискретность** текста достигается дискретностью разных по времени создания цитат. Дискретность фигурации и цитатных наслоений создает общий фон иерархичности при чтении **текста**, отражающего авторское восприятие мира. Дискретность на разных **уровнях**, **лишь** внешне "бессмысленная", работает именно в **текстах**, создаваемых в "переходные" **периоды**, когда классические фигуры, создающие связность **текста**, выполняют несвойственные им функции.

В Заключении сформулированы основные **выводы** История **описания** терминов является частью истории литературного **языка**, а в **его** рамках - истории осознания лингвистических параметров "достоинств речи". Реконструкции **начального этапа** освоения элоквиенции дает информацию о языковых вкусах эпохи, причем выявляется сложная система взаимовлияний между теорией и практикой.

В России распределение **материала**, сконцентрированного в западной традиции в разделе элоквиенция, происходит между курсами поэтики, **грамматики**, гомиетики. Процесс такого **перераспределения** позволяет считать, что в конце **XVII** в. в России усиливаются позиции **августинской гомиетики**, **уходят** на второй план более свойственная Древней Руси гомиетика григорианского типа. (Это явление частично напоминает процесс, проходивший в более ранний период в Германии и Польше).

Теория фигуры речи переживает долгую историю сокращения и упрощения в **рамках учебных курсов**. Риторика в русской педагогической **практике** изначально **осознавалась** как курс менее **значимый**, чем **грамматика**, и частичное сохранение терминов в учебниках греческого и латыни не продлевает им жизнь в качестве объекта исследования. Риторические системы накладываются в восприятии реципиента на определенную сумму коммуникативных фрагментов, получаемых им в процессе освоения грамматики. Однако следует учесть, что сами **коммуникативные** фрагменты являют собой образцы риторических фигур, которые, с одной стороны, служат основой речевой **деятельности**, а с другой - **основой** для **восприятия риторичности** как **отхода** от этой основы.

Сформировавшееся благодаря изучению риторики и грамматики осознанное отношение к слову и к процессу написания текста **"по науке"** так и не стало доминирующим. На протяжении **XVIII - XX** вв. неоднократно предпринимались попытки утвердить в качестве идеала **"писание от души"**

В современной русской литературе традиции отношения к слову, заложенные в эпоху барокко, проявляются латентно, часто вне связи с авторскими представлениями о ходе литературного **процесса**, однако сохраняют важное **функциональное** значение

Жизнь риторической фигуры, сопровождающаяся переосмыслением ее функций в разных жанрах, предполагает существенные корректировки и трансформации **на терминологическом** и содержательном уровне. Поэтому на основе исследования можно сделать вывод о том, что фигура речи - нетрансформируемая модель соединения исторически изменчивых элементов в рамках **слова**, словосочетания, предложения, обладающая жанровой привязанностью, исторически **меняющейся частотностью**, имеющая **психологическую** природу. Интерес к фигурации как **явлению** литературного текста обычно **возрастает** в исторические периоды "исчерпанности" **тропа**. Троп в этих случаях может получать обновленную **фигуративную** обработку и таким образом восстанавливаться в статусе образного средства. Об этом писали книжники **XVII в.**, определяя различие между тропом и фигурой. **Этот** процесс ярко проявляется в современных художественных текстах.

По **теме** диссертации опубликованы следующие работы

I Представления о фигурах речи в русских **риториках XVII - начала XVIII в.** Петрозаводск: Издательство Петрозаводского **гос** университета, 2002 (монография) (11,4 п.л.)

II Статьи

1 Представления о порядке слов в **метаязыковых** текстах начала XVIII в. // Коммуникации в культуре. Материалы межвузовского **научно-теоретического** семинара (Петрозаводск, 14-16 марта 1996 г.) Петрозаводск, 1996. С. 76-79 (0,2 п.л.)

2 **Императоры** Константин I, Константин II и Юлиан в старообрядческой **рукописи** «Сказание о Константине Великом, Констанции и Юлиане Отступнике» // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 1996. С. 99-103 (соавт. Новиков А.А.) (0,3 п.л.)

3. К вопросу о **соотношении** древнерусской **литературной** традиции и поэтики польского барокко в виршах Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Т.50. Спб., 1996. С. 144-148. (0,4 п.л.)
4. Дискретность текста и **"разрушение"** смысла // Ситуации культурного перелома: **Материалы** научно-теоретического семинара (24-26 апреля 1997 г.). Петрозаводск, 1998. С. 95-100. (0,4 п.л.)
5. Из истории функционирования скобок в русской письменности **XVII - нач. XVIII в.** // Историческая **стилистика** русского языка. Петрозаводск, 1997. С. 109-113. (0,2 п.л.)
6. Сюжет "краткость жизни" в поэзии польского и русского барокко (опыт лингвостилистического анализа) // *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich: Materiały z konferencji naukowej* (Supraśl, 16-18 listopada 1997) / Pod. red. J.F.Nosowicza. Białystok, 1997. S.85-93. (0,5 п.л.)
7. О теории фигуры речи в **риториках XVII-нач. XVIII в.**: (Трактат **М.К.Сарбевского** "Об остроумии" и Риторика-свод) // Ситуации культурного перелома: Материалы **научно-теоретического семинара** (24-26 апреля 1997 г.). Петрозаводск, 1998. С.73-78. (соавт. И.А.Эгипти) (0,3 п.л.)
8. Предисловие к Житию Корнилия Выговского в **контексте агиографической** традиции создания **предисловий** // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С.242-253. (0,7 п.л.)
9. Об исторической динамике интереса к фигурам речи (**латино-немецко-русские** соответствия) // Риторика ↔ Лингвистика. Смоленск, 1999. С. 199-203 (0,3 п.л.)
10. А.Горнфельд о **естественном происхождении тропа**: **Вступительная статья** // Вестник молодых ученых: Филологические науки. 2000. № 2. С.8-10. (0,3 п.л.)
11. Горнфельд А.Г. Фигура в поэтике и риторике / Комментарий к тексту (в соавт. с Я.Э.Ахапкиной) // Вестн. молодых ученых: **Филол. науки**. 2000. № 2 С.22-24. (0, 2 п.л.)
12. **Историко-культурный** контекст постмодернистской цитаты: (Времена года в поэме Т.Кибирова "Буран") // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории / ИВИ РАН. М., 2000. С.188-201 (1 ал)
13. Плетение словес и рашение слов: к **проблеме эволюции** стиля // **Русский язык в XVIII веке** / Отв. ред. В. Круглов. Спб., 2000. С. 89-100. (0,5 п.л.)
14. **Риторика** Георгия **Даниликовского** в контексте русской риторической традиции // История и филология: проблемы научной и **образовательной интеграции** на рубеже тысячелетия: Материалы **международ. конф.** (2-5 февраля 2000). Петрозаводск, 2000. С.152-156. (0, 3 п.л.)

15. **От конклюдзии** к стенгазете: из истории синтетических жанров в России // Диалог со временем: **Альманах** интеллектуальной истории / **ИВИ РАН.** М., 2000. **Вып.4.** С.288-303. (1 п.л.)
16. **Quid est figura?** (из истории вопроса) // Риторика о лингвистика: Сб. статей. Смоленск, 2000. Вып. 2. С. 169-177. (0,6 п.л.)
17. К вопросу о фигурации похвальных слов братьев **Лихудов** // Материалы Первых **Лихудовских** чтений (10-13 мая 1998 г.) Новгород, 2001. **С.88-94.** (0,4 п.л.)
18. **Конклюдзия** в России: хвала государству // Образы России в **научном**, художественном и политическом дискурсах (**история**, теория, педагогическая практика): Материалы науч. конф. (4-7 **сент. 2001** г.) Петрозаводск, **2001.** С. **57-66.** (0,4 п.л.)
19. **Величковский Иоанн**, **Конклюдзия**, **Курьезные** вирши, **Сарбевский М.К.**, **Элогиарный** стиль // Русский гуманитарный словарь: В 3 т. **М.**, 2002. (0,25 п.л.)
20. **Риторика** // **Петербург: Осьмнадцатое** столетие: Энциклопедия. Спб., 2002. (0,4 п.л.)

Ш Тезисы

21. **Повтор** как средство разрушения смысла в современной поэзии и прозе // Проблемы грамматической стилистики: Материалы всероссийской науч. **конф., посвященной** 90-летию со дня рождения **проф.М.К.Милич.** Вып. 2. **Отв.ред.** Л.В.Баскакова. Тезисы. Ростов-на-Дону, 1997. С.33-35.
22. **Представления** о поэтических вольностях в русских **риториках XVII** в. // Риторика в **свете** современной **лингвистики.** **Смоленск, 1999.** С. 53-55. (0,1 п.л.)
- 23 О формальном сходстве тематически близких текстов **XVII** - нач. **XVIII** в.: (Симеон Полоцкий, Даниэль **Наборовский**, Стефан Яворский) // Проблемы поэтики языка и литературы: Материалы межвузовской научной **конференции** памяти **Я.И.Гина** (**Петрозаводск, 22-24 мая 1996 г.**). **Петрозаводск, 1996.** С. 80-81. (0,1 п.л.)
- 24 **“Ращение слов”**: между именем и глаголом // **Риторика в свете современной** лингвистики. Смоленск. 2001. С.54-55. (0,1 п.л.)
25. **Пьяный речеточек** в русской литературе **XIX** -начала XX в. (Фигуры речи) // Мотив вина в литературе: Материалы научной конференции (27-31 октября 2001). Тверь, 2001 г. С.67-69. (0,1п.л.)

Марина